

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49

СТЕПАН ВОСТРОТИН: СИБИРСКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ ЭМИГРАЦИИ

М.В. Кротова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Россия, 191023, Санкт-Петербург, улица Садовая, дом 21

mary_krot@mail.ru

Настоящая статья посвящена малоизвестному эмигрантскому периоду жизни российского политического и общественного деятеля, бывшего депутата Государственной Думы от Енисейской губернии С.В. Востротина. В статье предпринята попытка через частную судьбу, используя антропологический подход, проанализировать возможности российских эмигрантов влиять на события в СССР в межвоенный период, выявить их отношение к советской политике, реконструировать представления о патриотизме. Статья основана на неопубликованных документах из ГАРФ, РГАСПИ, Бахметевского архива Колумбийского университета (США).

Ключевые слова: русская политическая эмиграция, С.В. Востротин, В.Н. Ковцов, Сибирь, Маньчжурия, Франция, межвоенный период

Введение

Революция 1917 г. и гражданская война вызвали значительный отток из России политических, научных и культурных сил. В разных странах на разных континентах образовались русские диаспоры, возникла Другая Россия, которая существовала по своим законам. Феномен российского Зарубежья является предметом изучения разных специалистов – историков, филологов, социологов, политологов, культурологов. Активно исследуются причины исхода, адаптация эмигрантов в чужеродной среде, вклад русской эмиграции в культуру стран-реципиентов. Одним из подходов для исследования русской эмиграции является персональная история, когда через частные судьбы высвечиваются не только стратегии поведения людей, но и отдельные проблемы российской истории.

В числе вынужденных изгнанников после 1917 г. за границей России оказались многие государственные и партийные деятели. Оставшись

не у дел, каждый выстраивал свою стратегию поведения. Не все из них смогли принять поражение белого движения, многие продолжили борьбу с советской властью в разных формах. Другие принялись осмысливать произошедшую в России революцию, причины, которые привели к ней, ошибки, совершенные прежней властью. Часть деятелей отошла от политики, занявшись наукой, преподаванием или элементарным выживанием.

Тем не менее, политическая эмиграция внимательно следила за тем, что происходило в Советской России. Отношение к родине среди этого слоя беженцев не было однозначным, оно имело все оттенки, от ненависти и обиды до любопытства и даже восхищения. В СССР в межвоенный период преобладало иронически-скептическое, порой равнодушное отношение к эмиграции как победителя к побежденным. В советской прессе был создан определенный образ эмигранта – неудачника, озлобленного, сломленного и никчемного, который чаще всего использовался для подчеркивания контраста между жизнью в СССР, наполненной идеей и смыслом, и жалкой судьбой беженцев. Однако, судя по огромным усилиям советских спецслужб, наблюдавших за русскими диаспорами в разных частях мира, было нечто такое, что вызывало беспокойство советской правящей верхушки, и заставляло вкладывать немалые средства в изучение и контроль за эмиграцией. Документы показывают, что иногда побеждал прагматический подход, понимание, что русская эмиграция обладала опытом, знаниями и связями, которые могли быть использованы Советской Россией. В настоящей статье предпринята попытка пролить свет на некоторые аспекты деятельности политической эмиграции, ее влиянии на советскую политику.

В качестве примера рассматривается судьба и деятельность С.В. Востротина, бывшего депутата III и IV Государственной Думы от Енисейской губернии. Он был известным сибирским деятелем, прославился своим путешествием с Ф. Нансеном по Северному морскому пути в 1913 г. Существует несколько работ, посвященных его политической и общественной деятельности. Анализ политических взглядов С.В. Востротина затронут в монографии Н.Н. Аблажей о сибирском областничестве¹. Историк и политолог А.А. Кара-Мурза посвятил главу своей книги «Интеллектуальные портреты» кадетской биографии Востротина², о его работе в Государствен-

¹ *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003.

² *Кара-Мурза А.А.* Степан Васильевич Востротин: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 143–154.

ной Думе упоминала в своей статье О.А. Харусь³. Сотрудник архива Российской Академии наук В.Н. Загребаева опубликовала несколько текстов С.В. Востротина из его архива⁴, написала о нем обстоятельный биографический очерк⁵. Однако об эмигрантском периоде жизни С.В. Востротина в этих работах сказано немного. Между тем сохранилось немало архивных документов, свидетельствующих о его активной работе в эмиграции, которая меняла векторы направления, но неизменно вдохновлялась мыслями о настоящем и будущем России.

В статье использован биографический метод, который позволил через индивидуальное жизнеописание выявить специфические способы взаимоотношений эмигрантов и страны исхода. Так, замечательная биография другого русского эмигранта из Китая Валерия Перелешина, созданная канадской исследовательницей О. Бакич, дала возможность автору передать все оттенки его латентных связей с родиной⁶. Методология статьи основана на сочетании микро- и макроисторического подходов и направлена на изучение биографии С.В. Востротина в контексте международных отношений на Дальнем Востоке.

Статья основана на неопубликованных материалах из ГАРФ, РГАСПИ, РГИА, Бахметевского архива. Дело в том, что часть бумаг Востротина в 1946 г. его вдова передала через посольство СССР в МИД СССР, откуда они поступили на хранение в архив Академии наук⁷. Большая часть архива

³ Харусь О.А. Парламентская тактика кадетов в III Государственной думе: опыт политической деятельности сибирских депутатов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. Январь. С. 155–163.

⁴ Загребаева В.Н. «Я приветствовал Нансена и других наших спутников». Воспоминания С. В. Востротина о морской экспедиции из Норвегии в устье Енисея в 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. 2008. №. 4. С. 104–146; Загребаева В.Н. «Вверх по Енисею»: из воспоминаний С.В. Востротина о путешествии с Ф Нансеном по Сибири в 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. М., 2012. № 3. С. 161–170; Загребаева В.Н. «С Нансеном в Петербург». Из воспоминаний С. В. Востротина. 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 137–148.

⁵ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>.

⁶ Bakich O. Valerii Pereleshin: life of a silkworm. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015. 391 p.

⁷ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 48–49.

С.В. Востротина оказалась в Бахметевском архиве в Нью-Йорке, где хранятся его письма, печатные и рукописные материалы, в том числе отрывки его воспоминаний⁸. Работу над мемуарами С.В. Востротин не успел закончить, они существуют в отдельных фрагментах, но, как и другие материалы его коллекции, представляют определенный интерес и позволяют воссоздать не только деятельность Востротина в эмиграции, но и его оценки советской политики, представления о путях развития России.

Цель настоящего исследования – через персональную историю, частную судьбу российского политического деятеля показать сложные отношения между эмиграцией и советской Россией, реконструировать представления эмиграции о патриотизме, приблизиться к пониманию феномена эмиграции.

Политическая карьера С.В. Востротина до 1920 года

Степан Васильевич Востротин (1864–1943) – крупный сибирский золотопромышленник, общественный и политический деятель, депутат III и IV Государственной Думы, член кадетской партии, был довольно известной личностью в Сибири. Его можно назвать *self-made man*. Дед его был приписным крестьянином на Каслинском заводе на Урале, затем работал на золотых приисках в Сибири, основал свое дело вместе с сыновьями, обосновавшись в Енисейске. Отец С.В. Востротина, который прошел путь от уральского горного рабочего до купца I гильдии, почетного гражданина г. Енисейска, постарался дать своим детям хорошее образование. С.В. Востротин окончил в 1887 г. Казанский ветеринарный институт, учился в Парижской медицинской школе, но после смерти отца в 1889 г. вынужден был вернуться в Россию, чтобы возглавить семейное золотопромышленное дело⁹.

В России Востротин с головой ушел в общественную и политическую деятельность. Еще со времен учебы на него большое влияние оказало знакомство с многими сибирскими политическими ссыльными, в Казани он входил в кружок сибирского землячества с широкими либеральными взглядами. В эти же годы он увлекся темой Северного морского пути. Познакомившись с английским капитаном Дж. Виггинсом, который неоднократно

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). Collection of S. V. Vostrotin.

⁹ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 4–10/

совершал рейсы по Северному океану, он решил во время свадебного путешествия в 1894 г.¹⁰ пройти с Виггинсом от Лондона через Карское море до Енисейска на одном из казенных туерных пароходов. Уже во время этого путешествия за ним был установлен полицейский надзор как за личностью «неблагонадежной в политическом отношении», замеченной в «сношении с членами “сибирского землячества”», в Петербурге и Енисейске отслеживались все его контакты¹¹.

С 1894 по 1899 г. Востротин был городским головой Енисейска. В 1905 г. вступил в партию народной свободы, возглавлял Красноярский комитет партии кадетов. В этот период он вошел в «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», активно печатался в сибирской и центральной прессе по вопросам состояния и развития Сибири. В 1911 г. Востротин был избран депутатом в III Государственную Думу вместо умершего в декабре 1910 г. В.А. Караулова¹². В 1912 г. стал депутатом IV Государственной Думы от Енисейской губернии¹³.

В 1913 г. он совершил новое полярное путешествие с Ф. Нансеном из норвежского города Тромсё в Енисейск на пароходе «Коррект», которое принесло ему общероссийскую известность. Ф. Нансен писал о нем в своей книге «В страну будущего»: «Степан Васильевич Востротин – золотопромышленник из Енисейска, бывший городской голова этого города, а в настоящее время член Государственной Думы, представитель края с почти миллионным населением. (Вот страна, достойная зависти!) <...> Лучшего спутника по Сибири у нас и быть не могло. <...> Свою родину и свое миллионное население он знал вдоль и поперек и являлся настоящим живым справочником по всем интересовавшим нас вопросам относительно условий местной жизни и труда. Кроме того, он сам в девяностых годах долгое время состоял совладельцем пароходства по Карскому морю и Енисею и даже приобрел для этого предприятия на собственные деньги несколько пароходов. В результате потерял немало денег, но обогатился

¹⁰ Женой Востротина стала Е.И. Кытманова, дочь енисейского купца, ставшая впоследствии известной певицей.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 92. Д. 313. Лл. 15 об, 19, 27, 28, 44, 56.

¹² Харусь О.А. Парламентская тактика кадетов в III Государственной думе: опыт политической деятельности сибирских депутатов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. Январь. С. 159.

¹³ В его личном деле указано: «Ветеринарный врач. Личный почетный гражданин. Имущественное положение – недвижимая собственность ценностью 15 тыс. руб.» // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 9. Д. 159. Л. 1. О его деятельности в Государственной Думе см.: [2, с. 146–148].

большим личным опытом в этой области»¹⁴. Во время поездки Востротин выступал в роли переводчика Нансена с английского на русский.

В период Первой мировой войны С.В. Востротин – член Главного комитета Всероссийского союза городов и Центрального военно-промышленного комитета, неоднократно посещал действующую армию. Осенью 1914 г. он вошел в руководящий Комитет Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, объездив многие города Сибири. Руководил Комиссией по текущим вопросам товарообмена между Россией и Англией в Русско-Английской торговой палате. На VI съезде кадетской партии в феврале 1916 г. Востротин был избран в состав кадетского Центрального комитета. С 27 февраля 1917 г. он – комиссар по продовольственным вопросам Временного комитета Государственной Думы, в дальнейшем – товарищ министра земледелия Временного правительства. Октябрьского большевистского переворота Востротин не принял, войдя в состав подпольного «Национального центра»¹⁵.

В начале 1918 г., как член ЦК кадетской партии, Востротин был направлен в Сибирь для организации борьбы с большевиками. Так он очутился на Дальнем Востоке, в Харбине, в ближайшем окружении Управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата, с которым был тесно связан до смерти генерала в 1937 г. На Дальнем Востоке он налаживал связи с различными политическими и общественными движениями, весной 1918 г. дважды посетил Японию для переговоров с японцами о помощи в борьбе с большевиками¹⁶. В этот период он был захвачен идеей возможности восстановления российской государственности.

В Харбине в 1918 г. оказалось немало различных общественных и политических деятелей, возникали многочисленные организации самого разного толка. Для координации действий и выработки единой платформы в июне 1918 г. в Харбине был созван т.н. Собор – совещание представителей различных дальневосточных организаций. Заседания собора происходили 5/18 июня 1918 г. под председательством С.В. Востротина, на обсуждение

¹⁴ Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг : Изд. К.И. Ксидо, 1915. С. 11–12.

¹⁵ Кара-Мурза А.А. Степан Васильевич Востротин: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 151–152.

¹⁶ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 38–40.

был поставлен вопрос «об обращении к союзникам с просьбой о вооруженной помощи России против германо-большевиков». Вопрос о форме обращения и о условиях для союзников привели к расколу между членами совещания, после чего Д.Л. Хорват 4 июля 1918 г. образовал в Харбине Деловой кабинет «для беспартийной работы на благо и спасение Родины», объявив себя Временным правителем¹⁷. С.В. Востротин вошел в правительство Хорвата (Деловой кабинет) в качестве министра торговли и промышленности, в апреле 1919 г. стал представителем Хорвата – Верховного Уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке – в высших государственных установлениях. 1 августа 1919 г. был назначен председателем комитета Севморпути временного правительства А.В. Колчака.

С.В. Востротин в эмиграции: Харбин и Дайрен (1920–1929)

В начале 1920 г. после поражения колчаковских войск С.В. Востротин эмигрировал в Маньчжурию. Оказавшись в эмиграции в Харбине, он продолжал активную деятельность. В Харбин вместе с отступавшей армией прибыло много политиков, членов «белых» правительств. В 1920-х гг. ходила шутка, что в Харбине легко создать почти в полном составе совет министров Временного правительства. Востротин решил организовать газету, привлечь к ее изданию лучшие силы. В июне 1920 г. Управляющий дорогой Д.Л. Хорват передал Востротину редактирование газеты «Вестник Маньчжурии», издававшейся на средства КВЖД. Газета с новым названием «Русский голос» под редакцией Востротина начала выходить 1 июля 1920 года. Это была ежедневная газета, посвященная «защите русских национальных интересов на Дальнем Востоке». Она была поддержана субсидией от КВЖД, авторам хорошо платили¹⁸. Газета стала одной из лучших и авторитетных на Дальнем Востоке.

С.В. Востротин вел активную переписку с парижской группой кадетов, посылая номера «Русского голоса», сообщая о положении русского населения в полосе отчуждения КВЖД, политической ситуации на русском Дальнем Востоке. В Харбине Востротин был лидером местных несоциалистических организаций, возглавлял вместе с А.И. Коробовым Национально-государственное объединение, которое по своим политическим воззрениям было близко к кадетам, но до конца 1922 г. поддерживало японскую

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6091. Оп.1. Д. 146. Лл. 15–17.

¹⁸ По словам И.С. Ильина, одного из авторов, ежемесячные расходы «Русского голоса» в 1920–1921 гг. составляли 6–7 тыс. иен // ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

интервенцию на русском Дальнем Востоке. Об этом сообщил И.А. Фихман – председатель Владивостокского комитета кадетской партии – на заседании Парижской демократической группы партии народной свободы 19 января 1923 г.: «С.В. Востротин стоит на той точке зрения, что Япония опасности для края и России не представляет»¹⁹. За японофильскую позицию Востротин и его газета подвергалась нападкам как справа, так и слева.

О взглядах С.В. Востротина в тот период можно судить по отдельным высказываниям в прессе. Когда его попросили написать несколько строк для уезжающих на учебу в США харбинских студентов, он пожелал им «не только получить теоретические знания, но и пройти и усвоить практические методы американского народа в развитие своих производительных сил», т.к. «наша Родина, освобожденная от разрушителей народного хозяйства, будет особенно нуждаться в практических деятелях для восстановления своего сельского хозяйства, промышленности и торговли. Приобретенные знания и усвоенный американский опыт, приложенные к развитию неисчерпаемых природных богатств Родины, смогут в наиболее короткий период времени воссоздать великое государство. Только таким путем отправляющаяся для образования национально настроенная молодежь исполнит свой долг перед Родиной и совершит большое патриотическое дело»²⁰. Так, в представлении Востротина патриотизм мог быть только деятельным, приносить конкретные результаты, содействовать процветанию страны. Здесь надо заметить, что Востротин, как и многие эмигранты, верил в скорое «освобождение» России, жил надеждой на возвращение на родину.

Изменившаяся политическая обстановка на Дальнем Востоке, вынужденный отъезд Д.Л. Хорвата в Пекин, эвакуация белой армии и японских войск из Приморья в 1922 г. привели к сокращению «Русского голоса». Технические и материальные условия печатания газеты ухудшились. Усилившееся влияние СССР в Маньчжурии заставили русских беженцев приспособляться к новым условиям. «Русский голос» в редакционной статье от 1 января 1924 г. указывал на «упадочные настроения» в среде эмигрантов, выразившиеся в «утрате веры», «безволии», «недоверии» к себе и своим идеалам, «самооплевании», «трусливом отречении от прошлого», «бегства с выстрадавших идейных позиций». Причинами таких настроений, по мнению газеты, было «гипнотизирование силой большевиков», их «вкусом к власти и умением действовать», работа «перебежчиков» – сменове-

¹⁹ Протоколы заграничной группы конституционно-демократической партии: в 6 т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 32.

²⁰ Студенческая жизнь (Харбин). 1923. № 1. С. 37.

ховцев – по разложению эмиграции. Газета признавала, что главным мотивом уныния эмиграции было то обстоятельство, что власть большевиков «затянулась»²¹.

Новый управляющий КВЖД Б.В. Остроумов, заменивший Д.Л. Хорвата в 1921 г., лавировал между советским влиянием и интересами КВЖД. Не желая конфликтовать с советскими представителями, он оказывал давление на газету – сократил субсидии, затем выселил редакцию «Русского голоса» из помещения, учинив Востротину как редактору и издателю иск на неоплаченную сумму в 17 тыс. зол. руб. за пользование типографией КВЖД с 1920 по 1923 гг.²² Востротину в 1924 г. пришлось спешно уехать в Дайрен²³, чтобы избежать суда²⁴. К тому же ситуация в Маньчжурии обострилась после заключения советско-китайских соглашений о совместном управлении КВЖД: газета потеряла субсидию от дороги и не могла платить сотрудникам. С 31 января 1926 г. «Русский голос» изменил название на «Русское слово», редактором стал А.М. Спаский, затем А.И. Коробов. С.В. Востротин продолжал из Дайрена поддерживать связи с Харбином через А.И. Коробова и с Д.Л. Хорватом, проживавшим в Пекине. Известно, что в Дайрене Востротин совместно с генералом М.В. Ханжиным и другими эмигрантами занимался восстановлением русского кладбища, где находились братские могилы русских воинов, павших во время русско-японской войны. 5 апреля 1929 г. Хорват как глава Русской эмиграции на Дальнем Востоке назначил Востротина своим Уполномоченным на Квантунском полуострове и на концессиях Южно-Маньчжурской железной дороги. Но в этой должности Востротин пробыл недолго – в июне 1929 г. он уехал с женой в Париж.

С.В. Востротин – представитель дальневосточной эмиграции в Париже (1929–1943)

Во Франции Востротин стал представителем Д.Л. Хорвата и дальневосточной эмиграции в Париже. Он не оставлял активной деятельности, состоял членом нескольких русских эмигрантских организаций: был то-

²¹ Русский голос (Харбин). 1 января 1924. С. 1.

²² РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 689. Л. 4.

²³ Дайрен (бывший Дальний) – город в Южной Маньчжурии, находившийся на территории японской концессии, где была небольшая русская колония (около 300 человек).

²⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. М.: РГГУ, 2015. С. 806.

варищем председателя Русского национального комитета во Франции²⁵, участником парижской группы кадетов, почетным председателем Общества сибиряков и дальневосточников в Париже, членом совета Российского торгово-промышленного и финансового союза²⁶. Самые разные люди в эмиграции отзывались о нем неизменно уважительно, как о порядочном и честном человеке, который вел себя всегда с большим достоинством. Он поддерживал связи со всеми парижскими политическими и общественными организациями, читал лекции о Сибири и русском Дальнем Востоке.

В 1930-е гг. Востротин внимательно следил за успехами СССР в деле освоения Сибири и Арктики, в частности, Северного морского пути. В его бумагах сохранились вырезки из советских газет и журналов о спасении экспедиции Нобиле, плавании ледокола «Малыгин», полетах цеппелинов. Он старался не пропускать новинки советской научной литературы, делал подробные конспекты, например, книг А. Александровского и П. Матвеевой «Борьба за полюсы земли от Нансена до наших дней» (Ленинград, 1928), Р. Самойловича «S.O.S. в Арктике: экспедиция “Красина”» (Берлин, 1930), статьи Б. Лаврова «Первая Ленская» (Новый мир, 1935. № 6–8), О.Ю. Шмидта «Поход Челюскина», В.И.Воронина о челюскинцах и другие²⁷.

Судя по переписке с генералом Д.Л. Хорватом, а также статьям и выступлениям, Востротина чрезвычайно волновала судьба русской Маньчжурии. Дело в том, что с 1932 г., после оккупации Маньчжурии Японией и создания государства Маньчжоу-Го СССР постепенно сдавал свои позиции в этом регионе. Востротин надеялся, что его опыт политического деятеля, знание международной ситуации на Дальнем Востоке будут востребованы. В 1932 г. он опубликовал в лондонском журнале «The Slavonic and East European Review» большую статью «Русские интересы в Маньчжурии», в которой заявил, что для русского населения Маньчжурии могут открыться новые перспективы, т.к. образованное в 1932 г. государство Маньчжоу-Го обещало равенство в правах всех национальностей, включая русских. Востротин в статье объединил русские интересы в Маньчжурии и международное значение КВЖД, чье будущее, по его мнению, было тесно связано с возрождением Сибири и России: «Сотрудничество России, Япо-

²⁵ Русский национальный комитет (РНК) был создан в 1921 г. в Париже как центральный орган Русского национального союза для политической борьбы против большевизма и попыток соглашения с ним, содействия деятельности эмигрантских учреждений и организаций, защиты интересов российских беженцев.

²⁶ *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 10.

²⁷ Collection of S.V. Vostrotin. Box № 3. BAR.

нии, Китая, Маньчжурии и других стран приведет к процветанию Востока. Наше русское спасение будет спасением для всех»²⁸.

Оккупация Маньчжурии Японией в 1931 г. породила надежды на успех русского дела, однако этого не случилось. Даже среди активных антибольшеви́ков, видевших в японцах союзников в антисоветской борьбе, иллюзии вскоре исчезли. Паназиатская идея японцев – «Азия для азиатов» – явно расходилась с русскими национальными интересами. Япония выдавливала русских из Маньчжурии, и в конечном итоге СССР признал продажу КВЖД единственным способом ликвидировать постоянный источник «недоразумений и конфликтов»²⁹. 25 июня 1933 г. в Токио начались переговоры между представителями СССР и Маньчжоу-Го о продаже дороги.

С.В. Востротин был чрезвычайно взволнован возможностью продажи дороги и старался пробудить интерес к этому вопросу в среде российской политической эмиграции. Он предложил Русскому национальному комитету выступить с политическим заявлением и направил этот текст в несколько парижских эмигрантских газет, в частности, в «Возрождение» и «Последние новости», однако ни та, ни другая газета не напечатали его. Только газета «Россия и славянство» опубликовала обращение Русского национального комитета «к мировому общественному мнению», назвав возможную продажу КВЖД «позорной капитуляцией», «предательством национальных интересов России», «бесчестной торговлей русским государственным достоянием», «паническим отступлением» перед Японией, свидетельствующем о «государственном бессилии кремлевских деспотов». А.В. Карташев, председатель Русского национального комитета, заявил: «Бросовую продажу КВЖД мы переживаем как новый этап крушения имперского здания России, как обвал его дальневосточного крыла»³⁰.

С.В. Востротин в письме Д.Л. Хорвату в Пекин 24 июля 1933 г. сетовал на отсутствие интереса к дальневосточным проблемам в Париже, на «равнодушное отношение» к продаже КВЖД в редакции «Возрождения», как к «обыкновенному явлению, которое должно было случиться рано или поздно». «В отношении же агрессивности японцев, – продолжал он в письме, – они (редакция «Возрождения» – М.К.) будто бы получили заверения из высокоавторитетных кругов об отсутствии таковой и потому не видят оснований к беспокойству. Что же касается “Последних новостей”, где я говорил с П.Н. Милюковым, то последний никогда не сомневался в агрес-

²⁸ *Vostrotin S.A Russian View of Manchuria // The Slavonic and East European Review. London, 1932. Vol. 11. № 31. P. 36.*

²⁹ *Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 15. М.: РГГУ, 1969. С. 791.*

³⁰ *Карташев А.В. Забвение трагедии // Россия и славянство (Париж). 1933. 1 июля. С. 4.*

сивности японцев, но не поместил обращение Национального комитета вследствие с политическими расхождениями с последним, сам же высказать свой взгляд по поводу продажи КВЖД все откладывает за недосугом»³¹.

Между тем переговоры о продаже КВЖД в Токио замедлились из-за вопроса о цене дороги. 3 июля 1933 г. был опубликован Меморандум делегации СССР об основных принципах выкупа КВЖД, в котором уточнялось имущество дороги и была предложена сумма – 250 млн золотых рублей, что соответствовало 625 млн иен³². В ответ правительство Маньчжоу-Го предложило 50 млн иен, потом удвоило цену. СССР согласился снизить свои требования до 170 млн иен, потом до 160 млн иен, что соответствовало 56 млн золотых рублей. Торг продолжался с перерывами в переговорах и на фоне давления со стороны японской прессы, гонений и арестов советских граждан на КВЖД. Но в целом в вопросе продажи КВЖД СССР заняло довольно уступчивую позицию.

В связи с переговорами о продаже дороги представляет интерес записка, переданная Я.С. Аграновым (ИНО ОГПУ) И.В. Сталину в ноябре 1933 г. Этот документ, в частности, проливает свет на многие аспекты деятельности С.В. Востротина в Париже. Записка представляет собой агентурное сообщение, поступившее в ИНО ОГПУ из Парижа из «близкого окружения» В.Н. Коковцова, «обычно хорошо осведомленного». На документе есть надпись Сталина синим карандашом: «Т. Ворошилову. Советую прочесть. Интересный документ», сохранились также его пометы в тексте³³. В записке сообщалось о встрече в Париже В.Н. Коковцова и С.В. Востротина в японском посольстве, их точка зрения на события в Маньчжурии и по вопросу продажи КВЖД, затрагивались вопросы политики Японии на Дальнем Востоке, а главное, возможной цены КВЖД.

По словам информатора, Коковцов, «как хорошо осведомленное лицо об общем экономическом положении дороги», определил минимальную стоимость КВЖД в 125 млн зол. рублей, и эта цифра потом фигурировала в переговорах в Японии. С.В. Востротин в записке охарактеризован как «бывший колчаковский министр, ныне японский агент», который приехал во Францию со специальной целью – «в качестве осведомителя японского министерства и партии Сейюкай, ... а потому его выводы в разговоре заслуживают внимания». Здесь же указывалось, что Востротин был близок к представителю ЮМЖД в Париже Сакамото, и что «3 – 4 месяца тому назад Востротина

³¹ Collection of S.V. Vostrotin. Box №1. BAR.

³² ДВП СССР. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1970. С. 395–397.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 186. Лл. 1–16.

изобличили в двойственной политике и фальшивом отношении к Японии». Оказалось, что несмотря на репутацию японофила, Востротин, напротив, придерживался антияпонских позиций. Сакамото поставил в вину Востротину его заявление, которое он сделал в своем докладе в Русском комитете объединенных организаций в 1932 г.: «Идти и призывать кого бы то ни было из иностранцев к образованию буферного государства [на Дальнем Востоке] нельзя». Кроме этого, по вопросу о КВЖД Востротин заявил, что лучшим выходом была бы нейтрализация дороги под международным контролем³⁴.

По словам Коковцова и Востротина, Япония хотела сделаться «единственным хозяином в Маньчжурии», не могла допустить существования советского представительства на КВЖД и надеялась, что создаваемые ею затруднения в движении и управлении КВЖД заставят советское правительство пойти на всевозможные уступки, «чтобы из боязни осложнений с Японией, которая может пойти на столкновение, получить хотя бы что-либо». Востротин считал, что Японии было выгодно затягивать переговоры для того, чтобы укрепить свое положение в Маньчжурии, после чего приступить к активным действиям, так как она «плановмерно проводит план укрепления на материке и оттеснения СССР от берегов Тихого океана»³⁵. Оба политика были обеспокоены возможным военным столкновением СССР и Японии на Дальнем Востоке. При этом Коковцов заметил, что если бы вопрос о КВЖД возник, когда он был в составе правительства, и если бы это грозило войной, то он был бы настойчивым сторонником продажи дороги, конечно, при условии «правильной и добросовестной оценки ее стоимости», каковую в сумме 50 млн иен, предлагаемых японцами, он считал «просто смешной»³⁶.

Коковцов считал, что японцы «приняли самоуверенный тон, предъявив почти ультимативные условия о продаже дороги», недооценив положение СССР на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб не учел силы советского воздушного флота, его мощности, техники и кадров военных летчиков. Коковцов не сомневался в том, что «ввиду твердого положения, занятого за последнее время советским правительством и ввиду неподготовленности японского генштаба в отношении воздушных сил, переговоры о продаже продвигнутся вперед», но предполагал, что из-за стремления советского правительства «кончить дело миром» СССР уступит права КВЖД за меньшую сумму³⁷.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 186. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 7.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 15.

Вряд ли Коковцов и Востротин считали, что их мнение и советы будут услышаны советской стороной. Но несомненно, что их выступление в японском посольстве в Париже не осталось без внимания И.В. Сталина и высшего руководства страны, косвенно повлияло на оценку стоимости КВЖД и политику СССР в Маньчжурии. В конечном счете, после торгов Япония согласилась на цену, близкую к предполагаемой русскими эмигрантами. 23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД). Дорогу продали за 140 млн иен, из которых 46 700 тыс. иен должны были быть выплачены наличными, а оставшиеся 93 300 тыс. иен – товарами. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов в интервью корреспондентам японских газет подчеркнул, что продажа КВЖД – «одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке» и «разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем»³⁸.

Продажа дороги стала поводом для анализа Востротиним российской политики на Дальнем Востоке. В статье «Русский кризис на Дальнем Востоке: сибирский взгляд» он проследил этапы появления России в Маньчжурии и постепенной утраты своих позиций, итогом которых стала продажа КВЖД – «тяжелый удар по интересам России». Для Востротина это означало «последнее отступление из Маньчжурии, и то, что она никогда не вернется туда»³⁹. Потеря КВЖД стала, по его мнению, «переломом позвоночного хребта русского великана», «утратой наиболее важного звена в Транссибирской магистрали, которая без КВЖД остается как река без устья»⁴⁰. В его личном архиве сохранились тексты других его выступлений 1935 г.: «О продаже КВЖД», «Гибель русского дела в Маньчжурии».

Востротин с горечью писал о том, что Япония одержала «величайшую бескровную победу» над СССР, вытеснив окончательно Россию из Маньчжурии: «Большевики проявили свое полное бессилие и еще раз подчеркнули свою полную неспособность к защите жизненных интересов русского государства». Продажу дороги он назвал «актом предательства национальных интересов России», которая такой сделкой «покупала продолжение своего существования»⁴¹.

После продажи КВЖД для С.В. Востротина окончательно стала ясна политика японцев по вытеснению русского влияния в Маньчжурии – ре-

³⁸ ДВП СССР. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1973. С. 178–179.

³⁹ *Vostrotin S. Russia's Crisis in the Far East. A Siberian View // The Slavonic and East European Review. London, 1935. Vol. 14. № 40. P. 105.*

⁴⁰ Там же. P. 106.

⁴¹ *Востротин С.В. Гибель русского дела в Маньчжурии [1935] // Collection of S.V.Vostrotin. Box № 1. BAR.*

прессии против эмигрантских организаций, аресты, высылки из Маньчжурии русских общественных деятелей, произвол и насилие, установление на оккупированной территории полицейского тоталитарного режима. Все связи с Западной Европой эмигрантским организациям в Маньчжурии были запрещены. Востротин, как и многие, понимал, что в союзе с японцами была потеряна последняя, пусть и иллюзорная, независимость и самостоятельность эмиграции, и ее роль при японцах стала унижительной и жалкой.

После смерти генерала Д.Л. Хорвата в 1937 г. в Пекине Востротин, сожалея, что тот не успел закончить свои мемуары, принялся составлять свои воспоминания, но подготовить их к печати так и не успел. Оккупация Франции в 1940 г. заставила его переехать в Ниццу, где он скончался 1 мая 1943 г. С.В. Востротин был похоронен на местном русском кладбище Кокад.

Выводы

Оказавшись за границей, часто не по своей воле, большинство эмигрантов и в Европе, и в Китае, и в Америке понимали, что белое движение потерпело поражение, не верили в возможность вооруженного сопротивления и искали смысл существования эмиграции. Часть эмиграции эмансипировалась, отделилась от России, перестала воспринимать страну как свою, с ее поражениями и победами. Это позволяло смотреть на нее без ненависти, иногда с любопытством, но бесстрастно, как на чужую страну. Другая часть эмиграции не могла смириться с таким положением, искала точки применения своих сил в публицистике, общественной и благотворительной работе, образовании, просвещении.

Надо отметить, что несмотря на враждебность и неприятие большевистских лозунгов и идеологии, для эмигрантов СССР все равно оставался Россией, и они не могли не переживать за все происходившее в стране, чувствовали сопричастность к тому, что происходило на родине. В понятие патриотизма вкладывали разные смыслы. Для большей части эмигрантов патриотизм был связан с сохранением «старой» России, противоположной «советской». Для других это были не только приверженность русским традициям, но и гордость за ее достижения. Задачей многих эмигрантов стало сохранение доброго имени России, поддержка за границей уважения и симпатии к своей стране.

С.В. Востротин, оказавшись в эмиграции, не мог смириться с бездействием. Он был убежден, что должен служить восстановлению России и ее процветанию. Патриотизм для него, как и для многих эмигрантов, заключался в том, чтобы быть полезным своей родине, возрождение которой

представлялось несомненным. Миссию эмиграции он видел в том, чтобы подняться над идеологией, личными обидами, защищать национальные интересы России, даже не имея шансов вернуться на родину. Понимая свои скромные возможности и невысокий политический вес эмиграции, он, тем не менее, своими статьями, выступлениями, анализом международной ситуации и советской политики старался привлечь внимание к проблемам Сибири и русского Дальнего Востока.

Вряд ли Востротин верил в то, что его голос мог быть услышан по ту сторону границы. В СССР к 1930-м гг. на официальном уровне отношение к русской политической эмиграции было негативным, отдельные фамилии известных русских деятелей вообще не упоминались, другие были оклеветаны. Однако аналитические данные советской разведки показывают, что мнения и действия эмиграции не только были под прицельным вниманием спецслужб, но и принимались во внимание при принятии важных политических решений. История С.В. Востротина дает нам лишние свидетельства того, что русская политическая эмиграция влияла на страну исхода гораздо сильнее, чем принято думать.

© Кротова М.В., 2018

Рукопись поступила в редакцию 21 ноября 2017 г.

Для цитирования: *Кротова М.В.* Степан Востротин: сибирский взгляд из эмиграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 32–49. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49.

STEPAN VOSTROTIN: A SIBERIAN'S VIEW FROM EMIGRATION

Mariia V. Krotova

Saint-Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia
mary_krot@mail.ru

This article is devoted to the little-known emigration period of life of Russian political and public figure S.V. Vostrotin (1864–1943), who was a businessman, owner of gold mines in Siberia, deputy of the III and IV State Duma. There are many archival documents, evidence of his active work in exile. There is used the anthropological approach which allowed the

author to analyze the possibility of the Russian emigrants to influence the events in the Soviet Union, to reveal their attitude to the Soviet policy, to reconstruct their ideas of patriotism. Being in exile in Manchuria, and then in France, S.V. Vostrotin was convinced that he should preserve the ties with the Russian people in the Soviet Russia. In his opinion, the mission of his emigration consisted in rising above ideology, personal grievances and in protecting the national interests of Russia, even having no chance of returning to the motherland. Realizing his modest ability and the insignificant political weight of emigrants, nevertheless, through his articles, speeches, analysis of the international situation, he sought to draw attention to the problems of Siberia and the Russian Far East. Russian political emigrants were closely watching the events in the Soviet Russia. There was also the reverse process – the Soviet Union invested heavily in the study and control over emigrants. The analytical data of the Soviet intelligence show that the opinions and actions of emigrants were not only under close scrutiny of the secret services, but were also taken into account in making important political decisions, particularly in Manchuria. It was unlikely that Vostrotin believed that his voice would be heard abroad. However, the document from the Stalin archive gives us extra evidence that Russian political emigrants influenced the country of origin much more than it is generally thought.

Keywords: Russian emigrants, S.V. Vostrotin, V.N. Kokovtsov, Siberia, Manchuria, France, interwar period

REFERENCES

- Ablazhei, N.N. *Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii*. Novosibirsk, 2003 (in Russian).
- Bakich, O. *Valerii Pereleshin: life of a silk worm*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 102, op. 9, d. 313.
- GA RF, f. P-6091, op. 1, d. 146.
- GA RF, f. P-6599, op. 1, d. 8.
- Kara-Murza, A.A. Stepan Vasil'evich Vostrotin: “Sibir’ – product vol’nogo narodnogo zavoevaniya.” [Stepan Vasil'evich Vostrotin: “Siberia – the product of the free people’s conquests”] *Intellektual’nye portrety. Ocherki o russkikh myslitelyah XIX–XX vv.* Moscow, 2009: 143–154 (in Russian).
- Kartashev, A.V. “Zabvenie tragedii.” [Oblivion tragedy] *Rossiya i slavyanstvo* [Russia and Slavdom], July 1, 1933 (in Russian).
- Kharus, O.A. “Parlamentskaya taktika kadetov v III Gosudarstvennoi Dume: opyt politicheskoi deyatelnosti sibirskikh deputatov.” [The parliamentary tactics of the Cadets in the III State Duma: political experience of Siberian deputies] *Tomsk State University Journal*, no. 402 (2016): 155–163 (in Russian).
- Krotova, M.V. “Stepan Vasil'evich Vostrotin: sud’ba emigrant.” [Stepan Vasil'evich Vostrotin: the fate of emigrant]. *Berega*. St. Petersburg, no. 15 (2012): 62–67 (in Russian).
- Nansen, F. *V stranu budushchego. Velikii sibirskii put’ iz Evropy v Sibir’ cherez Karskoe more*. Petrograd, 1915 (in Russian).

- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* (thereafter – RGASPI) [Russian state archive of socio-political history], f. 558, op. 11, d. 186.
- Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* (thereafter – RGIA) [The Russian state historical archive], f. 323, op. 4, d. 689.
- RGIA, f. 1268, op. 9, d. 159.
- Russkij golos (Harbin), January 1, 1924.
- Studencheskaja zhizn' (Harbin). № 1. (1923): 37.
- Vostrotn, S. "Russia's Crisis in the Far East. A Siberian View." *The Slavonic and East European Review* 14, no. 40 (July 1935): 98–117.
- Vostrotn, S.A. "Russian View of Manchuria." *The Slavonic and East European Review* 11, no. 31 (1932): 20–36.
- Zagrebaeva, V.N. "Chelovek s biografiei". *Zhizn' I deyatel'nost' Stepana Vostrotina: ludi, sobytiyai fakty*. Moscow, 2014 (in Russian).
- "S Nansenom v Pererburg". Iz vospominanii S.V. Vostrotina. 1913 god." ["With Nansen to Petersburg". From the memoirs of S.V. Vostrotina. 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 3 (2013): 137–148 (in Russian).
- "Ya privetstvoval Nansena i drugih nashih sputnikov". Vospominaniya S.V. Vostrotina o morskoi ekspeditsii iz Norvegii k ust'u Eniseya v 1913 godu." ["I welcomed the Nansen and our companions". Reminiscences of S. V. Vostrotn about a naval expedition from Norway to the mouth of the Yenisei in 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 4 (2008): 104–146 (in Russian).
- "V verh po Eniseu": iz vospominanii S.V. Vostrotina o puteshestvii s F. Nansenom po Sibiri v 1913 godu ["Up the Yenisei": from the memoirs of S. V. Vostrotn about the trip with F. Nansen to Siberia in 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 3 (2012): 161–170 (in Russian).

Submitted: 21 November 2017

For citation: Mariia V. Krotova. "Stepan Vostrotn: a Siberian's view from emigration." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 32–49. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49.